

УДК 130.2 + 008

Диалог культур и национальное строительство в эпоху глобализации

А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент*

В статье актуализируется значение межкультурного диалога в контексте современных тенденций и противоречий глобальной динамики. Рассмотрено проявление процессов глобализации на трех уровнях: личностно-антропологическом, социально-культурном, геополитическом. Показано, что ориентация на межкультурный диалог в политике государств и международных правовых актах, в программах национально-культурного развития и интеграционных инициативах разного уровня — не что иное, как механизм коллективной безопасности, согласно которому национально-культурное строительство каждой страны обеспечивается межнациональными гарантиями и ценностно-символической подпиткой со стороны комплементарных культур.

Ключевые слова: глобализация, культура, государство, национальное строительство, транснациональные системы, диалог культур, универсализация человека, национально-культурная идентичность.

Dialogue of Cultures and National Building in the Era of Globalization

A. A. Lazarevich, PhD in Philosophy, Associate Professor

In the article the importance of intercultural dialogue in the context of modern trends and contradictions of global dynamics is actualized. The manifestation of globalization processes is considered at three levels: personal-anthropological, social-cultural and geopolitical. It is showed that orientation to intercultural dialogue in the policy of states and international legal acts, in the programs of national and cultural development and integration initiatives of different level is the collective security mechanism, according to which the national and cultural building of every country is provided by transnational guarantees and value-symbolic charging from complementary cultures.

Keywords: globalization, culture, state, nation building, transnational systems, dialogue of cultures, universalization of human, national and cultural identity.

Геополитическая динамика евразийского пространства, становление разномасштабных интеграционных систем, конкурентное протекание процессов глобализации и регионализации, противоречия глобального социально-экономического развития, проблемные аспекты обеспечения коллективной безопасности — все эти и многие другие вопросы требуют выработки согласованных позиций на основе широкого межкультурного диалога.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая в 2001 г., подчеркивает, что процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, представляя в известной степени вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями [1]. В современном мире диалог становится императивным фактором обеспечения стабильного будущего, противодействия тем негативным глобальным процессам, которые ставят под угрозу

социальный, мировоззренческий, нравственный фундамент всего мирового сообщества и каждого государства в отдельности.

Более того, принятие межкультурного диалога как коренной ценности служит сегодня критерием практического гуманизма для стратегий деятельности государств, общественных институтов, отдельных людей. Как заявила в 2010 г. в своем докладе «Новый гуманизм в XXI веке» Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова, «быть гуманистом сегодня — значит наводить мосты между Севером, Югом, Востоком и Западом, укреплять человеческое сообщество для решения наших общих проблем. Это подразумевает обеспечение доступа к качественному образованию для всех, с тем чтобы голос каждого мог быть услышан в общемированном диалоге. Это и укрепление сетей научного сотрудничества, создание научно-исследовательских центров, передача информационных технологий для ускоренного обмена знаниями. Это, наконец, использование культуры в самых разных ее фор-

* Директор Института философии НАН Беларуси.

мах в качестве инструмента сближения и создания общих взаимоприемлемых подходов» [2, р. 4—5].

Наконец, нельзя не отметить, что идеология межкультурного диалога выступает одним из ключевых факторов ослабления противоречий глобализационного процесса. Прошло порядка сорока лет с момента, когда термин «глобализация» впервые прозвучал в работах Дж. Маклина и Р. Робертсона [3; 4]. Но до сих пор нет общего определения глобализации. Ее понимают как этап позитивного переустройства мира, на котором общность коренных ценностей человечества в конечном счете превозмогает историческую разобщенность, обеспечивает понимание глобальных проблем, стоящих перед всеми народами, и солидарные подходы к безопасности и развитию. Но о ней говорят и как о насильственной унификации культурных и политико-экономических укладов, движущей силе своего рода «постиндустриального империализма», построения однополярного мира. Глобализацию невозможно представить без целого спектра сущностных антиномий, которые, с одной стороны, придают данному процессу определенный динамизм, с другой — делают его труднопредсказуемым, потенциально опасным. Это, в частности, противоречия между высоким темпом технико-технологического прогресса (прежде всего в информационно-коммуникационной сфере) и запаздывающим развитием физических и духовно-культурных качеств человека, призванного пользоваться плодами этого прогресса. Это столкновения между экономическими интересами отдельных государств и транснациональных корпораций. Это двусмысленное сочетание тяги современного человека к экзотике в поведении, стиле одежды, обустройстве быта и повсеместной латентной стандартизации, унификации быденной жизни. Нельзя не упомянуть и о том, что ряд серьезных исследователей отрицает саму идею глобализации, указывая, что при действительно растущем весе транснациональной экономики никуда не исчезает разобщенность мира, вплоть до полярного столкновения локальных цивилизаций и выталкивания целых культурно-исторических регионов на обочину прогресса.

Процессы глобальной динамики на сегодняшний день проявляют себя по меньшей мере на трех уровнях: личностно-антропологическом, социально-культурном, геополитическом.

На личностно-антропологическом уровне речь идет о все большей универсализации человека. Этот процесс охватил самые различные уголки земли, большинство локальных культур. Человек все чаще оказывается не удовлетворен мировоззренческим содержанием, репертуаром базовых знаний и информации, кругом общения, который

дает ему культура отдельной нации или более узкой социальной общности. Векторы личностного саморазвития и роста, такие естественные устремления, как выбор места учебы, поиск работы или спутника жизни все чаще выходят за рамки региона рождения, пересекают границы государств.

Сравнительно недавно личностная идентичность носила преимущественно локальный характер: человек рождался, социализировался, работал, умирал в географически ограниченном пространстве, радиус которого, например, в Средние века не превышал 15 миль.

В эпоху глобализации структура личностной идентичности становится все более сложной. Факторы, задействованные в формировании и функционировании человеческого «Я», куда более разнообразны, чем это можно было представить несколько десятилетий назад. Человека, в принципе, трудно рассматривать в контексте только одного культурного влияния. Глобальное же культурное пространство превзошло все ожидания. Оно отличается кардинально новыми свойствами, которые интенсивно воздействуют на личность, не оставляя при этом возможности плавной адаптации к происходящим событиям. При кажущейся невероятной свободе выбора человек все больше подвержен влиянию глобального универсума услуг и стандартов жизни.

Что касается *социально-культурного уровня*, то в XXI в. мы становимся свидетелями продолжения *универсализации ценностного базиса* всего человечества. При всех «минусах» универсализованного, омассовленного человека он определенно обладает более широкой культурной эрудицией, коммуникативными компетенциями. И хотя взгляд практически любой нации на свое место в мире, на свою историю в контексте историй других народов был и остается во многом «эгоцентричным», все шире распространяется убеждение, что нет народов «лучших» и «худших», нет национальной истории «правильной» и «неправильной». И это, несомненно, будет способствовать повышению «градуса взаимопонимания» в мире.

Наконец, *на геополитическом уровне* мы наблюдаем существенные сдвиги в логике развития больших транснациональных систем — в сфере экономики, безопасности, политики. Если XX в. вошел в историю как время блокового противостояния, то тенденцией века нынешнего, на наш взгляд, является не только объединение государств в различные союзы регионального и континентального масштаба, но и постепенное сближение самих этих больших блоков, которые начинают интенсивнее сотрудничать друг с другом и в то же время сближаются в аспекте своих духовно-мировоззренческих,

идеологических оснований. Мы живем на переломе эпох, когда традиционная конкурентная стратегия развития социальных групп внутри государства, государств внутри цивилизационной системы и цивилизаций в миросистеме постепенно уравнивается стратегией конвергенции — схождения цивилизационных векторов, синтеза позитивных подходов и решений, наработанных различными субъектами геополитического пространства в рамках своих «локальных» историй.

Анализируя глобализационную динамику, важно избежать излишне оптимистичного, «метафизического» взгляда на перспективы диалога культур, согласно которому противоречия этого процесса можно преодолеть, совершив известные действия, укоренив в общественном сознании определенные настроения. Взаимодействие социально-экономических и культурных систем никогда не строилось и едва ли когда-то будет организовано на сугубо эгалитаристских началах. Состояние, к которому мы должны стремиться, — функциональная гармония, высокая сопряженность и предсказуемость глобальной организации, в которой уравновешены отношения кооперации и конкуренции, и каждый субъект геокультурного пространства имеет возможность для самореализации.

Цивилизационное лидерство ряда современных государств неотделимо от их преимуществ в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной области, в сфере «человеческого измерения». По большому счету, в ряде аспектов они наглядно демонстрируют «конкурентное преимущество» перед альтернативными культурно-цивилизационными проектами. С этим нельзя не согласиться, даже когда с горечью говорят о ценностно-мировоззренческой экспансии, к примеру, Запада, «подавляющей» культурное многообразие мира. Противопоставить что-либо этой тенденции можно лишь в контексте осознания того, что глобализация — это своего рода конкуренция, соревнование культурных и социальных систем.

Многие мыслители XX в. (М. Вебер, Р. Дарендорф и др.) склонны в целом рассматривать конкуренцию в качестве приоритетного фактора социального развития. Известно «широкое определение конфликта» Р. Дарендорфа — это любое взаимодействие, участники которого преследуют несовпадающие или не полностью совпадающие цели. В целом такое широкое определение можно приложить к любому сочетанию геополитических субъектов. Имеются и более радикальные трактовки. Так, в нашумевшей работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [5] утверждается мысль, что глобальный конфликт эпохи можно свести к противостоянию современности и тра-

диционности, к столкновению важнейших культур-цивилизаций, к которым относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и африканская. Отчасти, конечно, автор имел основания на этот вывод. Противоречия между культурами-цивилизациями будут сохраняться еще долго, так как межкультурные различия более фундаментальны, нежели различия политические и экономические. Не этим ли явлением обусловлены акции социального протеста и межэтнических, межрелигиозных столкновений, на наших глазах сотрясающих время от времени те или иные государства и регионы мира?

Понятно, что грань между конкурентным взаимодействием и конфликтом пролегает там, где участники диалога способны трезво оценить стратегические приоритеты взаимодействия, его рамочные условия и возвысить их над локальным конфликтом интересов. Современный мир представляется куда более интегрированным, целостным, чем даже полстолетия назад. Цивилизационная система; мир как система, упроченная множеством прямых и обратных связей; пространство, в рамках которого отдельный локальный катаклизм может повлечь волновые возмущения глобального масштаба, — вот те образы, на основе которых складывается наиболее адекватное понимание глобального мира.

Мы становимся свидетелями того, как во взаимоотношениях между крупнейшими акторами геополитического пространства нащупывается баланс между центробежными и центростремительными интенциями, между национальными интересами и поиском солидарных ответов на глобальные вызовы, между национальной и универсальной идентичностью. Характерным примером может служить диалектическое единство процессов глобализации и регионализации. С очевидностью напрашивается суждение о том, что понятие «глобальный мир», «глобализация» сохраняет собственный смысл лишь в сопоставлении со столь же четко очерченным понятием «локального», «национального». Если специфика национальной культуры, стиля мышления, образа жизни окажется утраченной, мы утратим смысл разговора о глобальном, потеряем ценностные ориентиры и критерии глобализации как объективного и в целом позитивного процесса.

Императив диалога культур для нашего времени — это прежде всего требование осознания сущности этнической, конфессиональной, мировоззренческой динамики в мире в целом и в отдельных его регионах; потребность понимать и адекватно предсказывать практику отношений между субъектами социокультурного процесса. Иными

словами, диалог культур должен не просто осознаваться как ценность и достояние цивилизации. В русле сохранения национально-культурной идентичности, определения приоритетов национально-культурного строительства должны формироваться знания и компетенции по управлению этим диалогом, по грамотному использованию его потенциала для обеспечения более справедливого, безопасного глобального мира.

Особую роль в этом процессе должно сыграть партнерство национальных философских школ. Философию не случайно определяют как феномен самопонимания культуры и посредника в межкультурном диалоге.

Ее же следует рассматривать в качестве важнейшего инструмента самоидентификации нации, сопряженного с самосознанием народа, оценкой и реконструкцией опыта, накопленного в национальной культуре. Философия ценна не только и, может быть, даже не столько результатом, сколько способом постижения мира, имеющим неповторимую спецификацию как на личностном уровне, так и на уровне национального общественного сознания. Данная спецификация обусловлена ценностными предпочтениями субъекта, конкретно-историческими рамками и формами философской рефлексии, особенностями встраивания в эту рефлексию тех или иных проблем и объектов, методологическими нормами интерпретации и решения этих проблем, включенностью национального философского наследия в общий контекст духовно-культурной и в целом социальной практики.

Выступая с позиций вневременного, метакультурного знания, философия в то же время несет в себе методологический потенциал по созданию

и воплощению механизмов самопроявления, экспликации и конвергенции мировоззренческих систем, осознания и преодоления коммуникативных конфликтов, выявления «точек роста» новой транскультурной ментальности.

Все эти возможности наглядно демонстрирует диалог философских сообществ Беларуси, России, Украины, Литвы, Польши, Казахстана, Азербайджана, Китая и других стран, который на протяжении многих лет ведется под эгидой Института философии НАН Беларуси в рамках проектов академического сотрудничества и обмена, международных научных форумов. Думается, регулятивы этого диалога могут составить прочную и плодотворную основу для расширения научно-гуманитарного сотрудничества на все евразийское пространство.

Список цитированных источников

1. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity: a Vision, a Conceptual Platform, a Pool of Ideas for Implementation, a New Paradigm: a Document for the World Summit on Sustainable Development, Johannesburg, 26 Aug. — 4 Sept. 2002 / ed. Katérina Stenou. — Paris, 2002.
2. *Bokova, I.* Un nouvel humanism pour le XXIe siècle / I. Bokova; le Secteur des Relations extérieures et de l'Information du public de UNESCO. — Paris, 2010.
3. *Robertson, R.* Interpreting Globality / R. Robertson // World Realities and International Studies / ed. R. Robertson. — Glenside, 1983.
4. Diversity and Dialogue: Culture and Values in the Age of Globalization: Essays in Honour of Prof. George F. McLean / ed. by A. Blasco and P. Makariev. — Sofia, 2004.
5. *Huntington, S. P.* The Clash of Civilizations? / S. P. Huntington // Foreign Affairs. — 1993. — Summer. — P. 22—49.

Дата поступления в редакцию: 04.05.2016 г.